

У чёрного моря

Полудокументальное
повествование
отрывки

3. ПОБРАТИМЫ

В Израиле у Одессы город-брательник – Хайфа. Потому что там и там море, там и там порт, там и там евреи, там и там – цирк.

И вот в 1999 году интрига с украиноевреями свершается! Еду! В Одессу!

Отплытие утром из Хайфы, от моего Иерусалима 3 часа езды. После естественного ночного недосыпа явились в порт втроём: я, провожающая жена и пузатый чемодан. Пароход – не самолёт, до 100 кг груза позволены, мы и развернулись с подарками.

Вот он, значит, причал, вот просторная синь моря и белый борт теплохода «Абашидзе», и очередь желающих плыть, – их за сотню, и все с такими же пузатыми чемоданами. Народ, в основном, пожилой, немощный. Кто-то иногородний устал после ночи, проведенной в гостинице, но бодрится: впереди прогулка, покой и воля, отдохнём, отоспимся... А кто помоложе и покрепче, гомонит радостно: вот-вот отчалим, уж там разгуляемся... Все – в счастливом нетерпении. Правда, на досмотр не пускают, задержка, говорят, рейса по техническим причинам. Ну, ладно, публика всё бывшая советская, покладистая, подождём по техническим причинам. А через

час-другой проясняется и сама техническая причина: забастовка.

У израильтян забастовка – вроде национального вида спорта. Демократия и рвачество, смешиваясь, нестерпимо соблазняют бросать работу кого угодно от мусорщиков до врачей в больницах или спасателей на пляжах. Скажем, авиаторам сам Бог велел время от времени прикрывать единственный аэропорт и выжимать прибавку к жалованию. Бастуют и похоронные общества, и труженики водоснабжения. Их доходы близки к зарплате министров, но в жарких краях отключить воду, особенно в больницах и при июльской угрозе пожаров, – блестящий ход в праведной борьбе за дензнаки. Не бастуют у нас, кажется, только армия да члены парламента, но последние просто регулярно принимают законы о повышении себе зарплаты.

В моём случае – ещё веселее. Не сограждане забастовали, а экипаж грузинистого лайнера украинско-швейцарского (!) пароходства. Им, оказывается, снизили категорию, как объяснила нам, кандидатам в пассажиры, дама с теплохода, блондинка с неплохо сохранившимися постельными принадлежностями, в прошлом, похоже, из буфетчиц, но далеко по морям пошедшая.

Толпа гомонила, в зале ожидания было во всех смыслах жарко. Дело происходило в пятницу, а в передовом, но обрелигиозненном Израиле с вечера пятницы до вечера субботы жизнь замирает, включая общественный транспорт, так что если до двух часов дня забастовщиков не ублажат, то ещё больше суток не только что морем в Одессу, но и здесь никакие автобусы не повезут, и порт закроется, потом ищи-свищи такси, а многим домой в другие города – паника свирепеет, толпа рвёт на части смазливую турагентшу-автора поездки, та отбивается, в помощь ей сошли еще двое с корабля: один, о котором позже, и эта вот лапочка голубоглазая, толково объяснившая распалённым пассажирам, что они, экипаж, воюют не столько даже за свою зарплату,

которая зависит от категории судна, сколько нас, пассажиров, ради, потому что среди их, теплохода, требований есть ремонт, корабль в ужасном состоянии, тараканы кишат, иллюминаторы разбиты... Мне издали слышались только обрывки её речи, но показалось, что этой забастовкой сам Бог нас спасает.

Так я и попытался разъяснить близрасположенному народу, рвущемуся на морские просторы; мол, может, к лучшему оно, не плыть с разбитыми иллюминаторами. Попутно вспомнил я и запланированную экскурсию по Стамбулу, а там аккурат накануне курды провели террористический акт и грозят изводить в Турции туризм на корню – может, опять-таки нам свыше избавление от опасности? Тут мне отъезжающие (точнее, остающиеся) и говорят: «Вы что, какой Стамбул? Его именно из-за опасности и отменили» – «Как?! Кто? Когда?» – «А вам разве не звонили? Нам вчера позвонили и сказали, что Стамбул отменяется» – «Интересно. И где мы будем эти стамбульские сутки мотаться?» – «А нигде. Придём в Одессу на день раньше» – «Позвольте, – удивляюсь с неизбывным своим идиотизмом, – ведь я сообщил своим, чтобы встречали 7-го» – «Ну, а мы придём 6-го. Ничего, вы не один такой. Кому-то звонили, предупредили, кому-то не успели»...

Созидателем поездки была, замечу, одна из лучших в Израиле туристских фирм, назову её «Эх-ма Холидейз».

...Я вдруг устал воевать с фирмой, с теплоходом, с его тараканами и буфетчицами, с Богом, уцепившим меня за задницу. Я сдался. Я сдал. Я сдал свой билет. Горите вы с вашей поездкой, паразиты международные!

Горели, конечно, не они, а мы, несостоявшиеся пассажиры. Они же, организаторы и благодетели, тушили страсти, для чего и появился бок о бок с красотками турагентства и корабля ещё один сокол, крутой хлопец лет 50-ти, грудь колесом, седина коротко и энергично подстрижена, глаза нежно-голубые и вместе строго-стальные, под тонкой рубашкой мышца накачанная, из наглаженных шорт тоже мускул нехилый выкатывается – ладно

скроен крепышок, лицо гладкое, чем-то и привлекательное, но такая маслянистость во взгляде, на щёчках, на подбородке – ой, жучок, ой, из родного одесского детства, ой, с Привоза мальчик!..

Там, на рынке кипела жизнь голодной послевоенной Одессы, там, в знаменитой толкотне среди продуктовых соблазнов, между нищих, инвалидов и жулья – там, на Привозе, разбитной парнишка в клёшах полуметровой ширины (вроде бы морячок, их Одесса всегда уважала: «мореман» – говорили чуть ехидно, но и с любовью) разыгрывал с подставными партнёрами представление в «3 листика» – «Угадай туза, полста твоих! Оп! Оп!» – три карты летали в его руках, ложились на дощечку вверх рубашкой, но в порядке вполне очевидном, и партнёры выискивали туза почти безошибочно, обогащались легко и заманчиво, а вслед за ними заезжий деревенский лопух зачарованно выворачивал карманы. (Бессмертная игра, завезенная ныне в Израиль, случается, оживляет и святой град Иерусалим. Марокканские евреи, явно только-только из тюрьмы, с той же лихостью мечут карты, эффектные русские блондинки завлекательно выигрывают, мимоидущая толпа поставяет жертвы вроде наивных американцев или дорвавшихся до азарта религиозных подростков.)

Вот и в хайфском порту проклюнулся одесский Привоз, и тот мореман, теперь с теплохода «Абашидзе», сменив послевоенные клёши на аккуратные шорты, сказал красиво налаженным баритоном: «Господа-граждане! Очень прошу, убедительно прошу, во-первых, успокоиться. Я буду записывать всех, кто согласен улететь вместо этого плавания. Потому что команде кое-что предложили в смысле денег, но они не согласны и сколько ещё простоят в порту – неизвестно. Наша фирма (потом выяснилось, что он – представитель промежуточной фирмы, которая для израильской «Эх-ма» арендовала швейцарско-украинского «Абашидзе» – диво дивное международного сотрудничества), наша фирма для вашего удобства будет на следующей неделе доставать вам билеты на самолёт».

Начинается давка к нему на запись. Все понимают, что достать больше сотни авиабилетов в разгар летнего сезона, когда всё наперёд распродано – маловероятно, если и повезёт, то только первым. А вопрос, между тем, нешуточный, ведь помимо тех, у кого сорвались намеченные планы и встречи, есть и туристы, у которых в сей момент кончается виза и они остаются в Израиле неизвестно на какое время и на каких правах.

И сидит на скамейке в здании порта круглоглазый одесский жмурик-шурик по имени вроде Егор или Игорь, в общем, Игорёк, а на него прут люди со своими жалкими фамилиями, и он, не поднимая озабоченной головы, усеивает свои скрижали их именами и цифрами телефонных номеров, и отвечает на лавину повторяющихся вопросов: «Всех отправим... Не сразу, а как получится. Сразу не обещаю... С воскресенья полетите... В субботу у вас в Израиле ничего не работает... Позвоним, а как же?.. Отправим... Позвоним... Станьте в стороночку, кто записан... Не мешайте работать... Запишу, потом отвечу»... И вдруг вскакивает с рёвом: «Я не могу так работать! Женщина, что вы всё время спрашиваете? Я прекращаю запись!!» И нервно ходит между стульями, а в руке его полощется белый листик заветного списка – трепет авиа мечты.

Все в страхе умолкают, особенно пугается та женщина интеллигентно-забитого вида, чей вопрос был последней каплей в чаше игорькового терпения; таких, как она, всегда затягивает под колесо судьбы.

Народ заткнулся, психолог Егор-Игорёк завершил скорбную перепись.

Глядя, как люди колотились плечами и животами, только что не затаптывали сами себя, а потом, записавшись, стихали и расходились, я вспомнил прощание с Высоцким в день его похорон в Москве. Милиция направляла толпу в переулки вокруг Театра на Таганке, где стоял гроб, так что в конце двухкилометровой траурной людской змеи никто не видел,

куда девается её голова, которую остроумные милиционеры возле самого Театра отворачивали мимо него, в пустоту прилегающих улиц.

Так и мои спутники, уgomонясь, стихали почти в такой же пустоте, в надежде почти призрачной. (Позднее, впрочем, оказалось, что человек тридцать улетели.)

Потом мы ехали домой – обделавшаяся турфирма разбрасывала клиентов по их домам бесплатно. Нас вёз таксист, мистически оказавшийся бывшим (30 лет назад) одесситом. Рядом с прибрежным шоссе, в окошке нашей машины колыхался расплав Средиземного моря, но его ядовито-зелёная роскошь не замещала тёмную белопенную синь Чёрного. Я тосковал вслух. Таксист утешал: «Всё впереди, вы ещё поедете в нашу красавицу Одессу, не сегодня, так завтра, куда торопиться?» И добавил: «По Дерибасовской гуляют постепенно».

Кажется, это Жванецкий.

.....

8. ЕВСЕКЦИЯ

...Русская революция изначально нацелилась: «Мы на горе всем буржуям мировой пожар раздуем». Не вышло – и вся энергия хлынула вовнутрь, расправляться с прошлым «в одной отдельно взятой стране», как тогда формулировала партия коммунистов. В одной отдельно взятой Одессе с одними отдельно взятыми евреями дело пошло бойко.

Еврейские вопросы в СССР решали Еврейские секции компартии (Евсекции). Она, компартия, авторитетно объявила, что из всех правд одна истинная – борьба классов и пролетариям всех стран соединяться, для чего и давайте стричь всех под одну безнациональную гребёнку. Энтузиасты

Евсекций, горя мечтой о будущем без наций, азартно корчевали свои корни.

Из Протокола заседания **Центрального бюро Еврейских коммунистических секций Р.К.П.**¹ от 28 июля 1919 года:

«ПОСТАНОВИЛИ: 1. Организовать еврейский стол при секретном Отделе В.Ч.К...»

3. На обязанности стола возложить: а) борьбу с контрреволюцией на еврейской улице, для чего взять под контроль все еврейские буржуазные и общественные организации... в частности сионистскую... взять на учёт всех активных деятелей... установить цензуру над всеми изданиями и печатью на еврейском языке, связаться с военной цензурой, приступить к собиранию материалов о деятельности указанных организаций...»

Из Отчёта по Киеву и Одессе центрального бюро по просвещению при Наркомпросе УССР, 1921 год: *«Вследствие развившейся на Украине погромной волны, оставившей за собой большое кол-во безпризорных, искалеченных голодных и разутых детей-сирот и сильного экономического распада семьи, Евбюро главным образом пришлось уделить своё внимание организации учреждений... всех типов и видов. В настоящее время мы имеем на Украине домов 225, садов 175 и школ 300...»*

От царского режима мы получили жалкое наследие: несколько десятков отсталых учителей-меламедов, ни одного еврейского учреждения для подготовки работников просвещения...

Еврейская мелкая буржуазия усиливаясь экономически пытается ослабить наше политическое влияние. Клерикализм в самых одичалых и устарелых его формах (хедер, ешибот) –

¹ РКП – Рабочая Коммунистическая партия.

печальный факт еврейской действительности. Втягивание в производство страны... широких слоёв еврейского населения и ожесточённая борьба с еврейской реакцией – ближайшая задача Евбюро... Кое-что уже делается в этом направлении: суды над хедером, религией и рабинатом. Клуб, библиотека и печатное слово служит орудием борьбы...»

Революция полумерами не делается. Клуб клубом, слово словом, а кулак вернее. Иврит объявили «реакционным» языком, еврейскую религию – мракобесием; еврейские праздники – «курам на смех», в издревле выходную по еврейской традиции субботу «Даёшь показательную работу на «субботниках»!». Подверглись гонениям и запрету сионистские партии и Бунд, еврейские общественные организации и движения. Пресеклась всякая национальная самодеятельность евреев.

Прибитая гражданской войной Одесса в начале двадцатых годов вымирала от голода. Местная пресса сообщала, как сводку с фронта выкрикивала: *«Положение ухудшается с каждым днём. Голод увеличивается. Среди еврейского населения голодает 90 %... На кладбище ежедневно привозят трупы людей, умерших от голода на улицах. Смертность среди детей моложе 14-летнего возраста ужасающая. Более половины обречены на голодную смерть. Одних детей из погромленных мест, которые жили прежде в детских приютах, насчитывается свыше 3000... Большое количество детских приютов закрыто»* («Рассвет», № 7, 28.05.1922). Итог за полгода: *«Число смертных случаев среди евреев в Одессе за первую половину 1922 года составляет 20000, т.е. 10 % всего еврейского населения Одессы»* («Рассвет», № 23, 17.09.1922).

Но у еврейской революции свои заботы. *«Евсекция ком. партии в Одессе предприняла меры для пресечения попыток создания культурных и социальных организаций со стороны некоммунистических элементов... Все некоммунистические организации являются замаскированными организациями сионистов и клерикалов. Недавно Евсекцией были закрыты*

еврейский спортивный клуб и комитет медицинской помощи» («Рассвет», № 35, 10.12.1922).

...
1925 год. Битва вокруг Бродской синагоги. «Рассвет», № 13, 29.03.1925: *«Некоторые подробности о закрытии Бродской синагоги 6 марта... По этому торжественному случаю город был украшен флагами, фабрики и заводы не работали. Собранным на манифестацию рабочим председатель губисполкома Кудрин произнёс речь. Он, Кудрин, не сомневается, что среди присутствующих найдутся «шпионы», которые сообщат за границу, что советская власть творит насилия над верующими. Но власть этого не боится».*

«Рассвет», № 14-15, 09.04.1925: *«Бродская синагога, национализированная большевиками и превращённая в еврейский пролетарский клуб, возвращена еврейской общине по распоряжению ЦИКа Украинской республики. На решение ЦИКа повлияла петиция тысяч евреев Одессы, ходатайствовавших о сохранении этой стариннейшей и красивейшей синагоги в России».*

«Рассвет», № 16, 19.04.1925: *«Недавнее постановление украинского правительства о возвращении Бродской синагоги еврейской общине отменено ЦИКом СССР 9 апреля. В заседании ЦИКа выслушали две приехавшие из Одессы делегации – от еврейской общины и от еврейского пролетариата. Первая доказала, что синагога является религиозным центром одесского еврейства. Вторая – что синагога обслуживает небольшую группу еврейской аристократии и буржуазии и что всё еврейское пролетарское население Одессы нуждается в помещении для клуба как центра еврейской культурной жизни в городе».*

Зато: *«В Одессе основан еврейский пролетарский университет с отделами социально-экономическим и технико-биологическим наукам. Для поступления требуется*

уметь читать и писать по-еврейски и знание 4-х правил арифметики» («Рассвет», № 3, 17.01.1926).

В противовес ошельмованной «старине» Евсекции выдвинули «пролетарскую культуру идиш». Одесса – впереди. Здесь на идиш говорили во многих учреждениях, даже в судах и милиции. На идиш работали школы, библиотеки, педагогический техникум, еврейская партийная школа, выходили периодические издания; в университете открылся факультет идиш. В праздник десятилетия революции 7 ноября 1927 года открылся музей еврейской культуры. С 1935 г. функционировал Одесский еврейский театр. Но к концу 1930-х годов и культура идиш стала сникать и исчезать. Евреи как народ были призваны раствориться во внеэтническом безличии.

И что евреи? В «еврейской» школе на Молдаванке учителям, преподающим на идиш, ученики отвечали по-русски. Закрытие синагог в Одессе серьёзно противилась лишь горстка старых прихожан да раввинов. А еврейский пролетариат просил власти превратить синагоги в клубы модных тогда безбожников и центры «культурного отдыха», которые и вправду очень способствовали просвещению.

При закрытии в тридцатые годы последних одесских синагог повторялась технология, отработанная в 1925 году на Бродской синагоге.

1932 год. В марте горсовету пишут рабочие коллективы (швейная фабрика им. Воровского, обувная фабрика им. Октябрьской революции и др.), что синагогу надо передать под Дворец культуры безбожников. Сотни подписей, девяносто процентов евреи, они даже русский текст своей просьбы подписывают на идиш. И горсовет откликается Постановлением 9 мая, отмечающим, что синагогу посещают только двести человек, а закрыть её просит рабочий класс в количестве 5019 человек, в том числе евреи.

Кажется, в 1934 году (по архивному документу даты не понять) в ЦИК пишут уполномоченные Главной синагоги

Царгородский и Циклис, что «До революции в Одессе находилось 9 синагог и 50 молитвенных домов...» и, мол, оставьте хоть что-нибудь. 16 января 1935 года в ЦИК летит срочная телеграмма: «От имени десятков тысяч верующих просим оставить единственную оставшуюся в Одессе синагогу на далёкой окраине города».

На войне, как на войне. «Спілка Войовничих Безбожников» (в переводе с русско-украинской смеси на русский «Союз воинствующих безбожников»), сражаясь против возвращения верующим уже отобранной синагоги, пишет в ЦИК, что в ней пили и торговали, «обнаружены а) бутылки с водкой 16 и без водки 19, б) табак и папиросы, в) весы и гири, г) часовая мастерская, где часовый мастер укрывался от финотдела, работая днём и ночью... Возвратить синагогу это значит дать торжествовать классовому врагу... СВБ категорически протестует против возвращения Одесской синагоги, что политически будет неправильным. Кроме того, необходимо учесть, что скажут метрополиты Тихоновской и Сенодальной ориентации в случае возвращения евреям синагогу. Отв. секр. Облсовета СВБ /Дикий/».

.....

18. ГОН

Новый 1942 год обозначился для евреев Одессы приказом номер 7 от 10 января: «Все без исключения евреи... интегрируются в гетто на Слободке, куда и обязаны явиться в течение двух дней».

С. Боровой описал исход одесского еврейства: «По улицам потянулись нескончаемой лентой толпы... с узлами, мешками, с детьми. Тянули за собой сани, нагруженные жалким скарбом, толкали детские коляски... Волочились старики.

Больных везли на тачках, таскали на носилках. Подводу можно было достать только за чудовищную плату... Подбежали солдаты или хулиганы и со словами «тебе уже не понадобится» вырывали у несчастных баулы, сумки, срывали с них шапки... Температура доходила до минус 30°... неслыханный убивающий мороз.

Отстававших пристреливали. На всех улицах... валялись трупы, которые днями не убирались» (С. Я. Боровой «Гибель еврейского населения Одессы во время фашистской оккупации».)

С. Котляр (свидетельство в Яд ва-Шем): *«Я, Серель Котляр, родилась в 1935 г. в г. Одесса... [Из эвакуации] вернулись примерно в августе 44 г. В нашем доме, в основном, жили евреи... в живых остались две женщины: Бетя Цвок и тётя Поля Коган. Они мало рассказывали о пережитом и о соседях. Но у нас была дворничка-полька Луша, и она, напиваясь время от времени, приходила к нам и рассказывала о наших соседях: «Вы помните старуху Зукину? Вы помните, какая у неё была шаль? Так она хотела в этой шали идти, когда их выгоняли. Зачем ей эта шаль, когда на Прохоровской пожарники поливали евреев, которых гнали по мостовой, из шлангов. Так я эту шаль взяла себе». «А вы помните Питерман? Так они захотели закрыться в последней комнате без воды, без еды, без тёплых вещей, чтобы всей семьёй умереть дома. Но как я могла это допустить? Их выгнали вместе со всеми».*

Фрейду с Достоевским осветить бы закоулки Лушиной души. Грех ли тлеет в говорливой вертлявой дворничке, ночью будит, днём берedit, водочкой не гасится, только хуже выпирает? И выворачивает изнанку свою пьяно-откровенная Луша перед этими живыми, они двойники тех, мёртвых, в их воле – простить. Шевеление совести...

В Луше?!

С. Котляр: *«Луша рассказала, что как-то ней пришли немцы и потребовали показать, где в доме есть красивые женщины. Луша повела их к Голодным. Дверь открыл отец и т.к. он, узнав в чём дело, попытался сопротивляться, его сбросили с третьего этажа в пролёт лестницы. Никто из них не выжил.*

В доме номер 6 по нашей улице была школа № 24 и при школе жила учительница украинского языка Елизавета Степановна – пусть будет благословенна память о ней. Она прятала у себя двух молоденьких дочерей Шейнфельд. Пронюхав об этом, Луша привела к ней полицейев, но те никого не нашли и ушли. Луша неожиданно вернулась пригрозить Елизавете Степановне и случайно обнаружила девушек под перинами в кровати. Они не выжили».

Кошка Васька не была «еврей» – не подпадала под приказ «интегрироваться в гетто на Слободке». Ей местожительство назначил дворник Петро.

Петро должности соответствовал и когда доносил на маму Шимека, и когда в оккупацию евреев переписывал и румынам сдавал, и когда после войны уже для советских органов опять добросовестно переписывал евреев уже как выбывших.

Конечно, не одно служебное рвение вело Петра; человек не без слабости, особенно если шанс выпадет себе потрафить. Да и по справедливости: сколько можно мытариться в подвале трудящему человеку? А тут от жидов квартиры остаются, вон от Брауншвейгских после их отъезда в эвакуацию две комнаты очистились, да соседка-молодайка в бомбёжку сгинула, осталась в маленькой каморке семидесятилетняя Розина, ну, слава Богу, еврейка, всего-то и делов сдать её румынам да кому надо на лапу дать – и четырёхкомнатная жилплощадь его, Петра...

Петро лично извлёк старуху Розину из квартиры, однако сдавать в гетто или на сборный пункт рук марать не стал, как-никак сколько годов знакомы, зла от её особого не помнилось,

так он старую за пару кварталов отвёл, да и оставил на волю Божью, наказал только до дому ни-ни не ворочаться, сиди, бабка, може, хто пожалие, пособит... А на доме, возле ворот, как положено, поставил крест, мол нема тут жидив, чисто...

Из послевоенных заявлений в одесские «Комиссии по расследованию злодеяний оккупантов»:

«Я дворник д. 59 по ул. Леккерта Скрипченко заявляю о том, что 10/1/1942 румынами солдатами и офицерами были угнаны в гетто из д. 59... [перечисляются фамилии семей]. О судьбе угнанных мне неизвестно».

Так же и Петро, когда свои вернулись, написал о старухе Розиной «судьба неизвестна», а что слукавил, так кто ж без греха: в тех дворничьих справках, всех как есть, о своих грабителях и своём участии – ни шепотка, всё на румын свалено, кое-кто из дворников даже к показаниям-заявлениям жалостливо добавлял «прошу наказать румынско-немецких извергов». Петро тоже приписал просьбу наказать оккупантов – а шо? кашу маслом не споганишь...

С тем и стал жить-поживать в бывшей шимековой квартире да с оставшимся от жидов добром, с мебелью, со столом старорежимным, справным, крепким як отой дуб. Или не заслужил? Вон сколько годов выкладывался...

Он, в сущности не злой был, Петро, жалостливый даже. Старуха Розина, когда он её с хаты попёр, последним словом за Ваську плакала, мол, жалко животную, Брауншвейгские перед эвакуацией просили присмотреть, она обещала... Петро и тут не злодеем выказался: нет, шоб прыбить зверюку, тем более, злючая, до рук не йде, не мурчить, только шипить, як ота зараза, а Петро по-доброму: не прыбив, просто погнав геть.

И подалась Васька во двор, к мусорке, местным кошкам на гóре, они шипели, горбились, гоняли прибудную, да не на ту напали: одной ухо разодрала, с другого кота вышерстила ключья до лишайного вида, ей самой морду, было дело, распахали – зиму билась за место сытное, а там и весна, март, коты завьили,

Васька в цену вошла, главный помоечник, рыжий, поджарый, хвостом метёт, рожа много битая, глаз единственный горит – тот ещё бандюга, тигра на всю улицу, он и обрюхатил Ваську, как бы приписал к помойке, стала своей, прижилась, выжила...

Кто опишет судьбы кошек, собак, птичек, брошенных под рыдания неутешных детей или одиноких горемык, теряющих единственного наперсника, – бездомных бесхозных животных, одичавших, взбесившихся от военных страхов, от бомб и стрельбы, грома и пожаров, ставших пищей голодающему человеку, шапкой мёрзнущему живодёру, мишенью веселящемуся солдату...

.....

26. ПРОТИВОТОК

В 1944 г., войдя в Одессу, советские дознаватели составили злую *Справку о состоянии проверки и изучения работы подпольных организаций и партизанских отрядов в гор. Одессе:*

«В период с июля по сентябрь 1941 г. Одесским Обкомом КП(б)У было подобрано и оставлено для подпольной работы в тылу врага 190 человек коммунистов...

Для руководства подпольной работой... были оставлены: ПЕТРОВСКИЙ – бывш. секретарь Воднотранспортного РК КП(б)У и СУХАРЕВ – бывш. секретарь Ильичевского РК КП(б)У...

На третий день после вступления румыно-немецких оккупантов в г. Одессу секретарь подпольного Обкома КП(б)У ПЕТРОВСКИЙ был арестован румынской контрразведкой... через некоторое время освобождён... Фронтной разведкой и органами НКГБ установлено, что Петровский оказался предателем, который дал все сведения в сигуранцу о подпольных организациях... в результате большинство коммунистов было арестовано и многие уничтожены...

Парторганизация Ильичевского района г. Одессы
(секретарь ПЛАТОВ)

С первых дней вступления румын в Одессу второй секретарь РК КП(б)У МУХА сбежал...

Большинство коммунистов... явились на регистрацию в полицию, в результате многие были арестованы, в том числе и Платов. Как сейчас установлено, Платов оказался провокатором. ...Платов арестован органами НКГБ.

Парторганизация Кагановичского района г. Одессы

Секретарь РК КП(б)У ШЕЛУХА за день до вступления румын в г. Одессу – сбежал, забрал с собой ценности, оставленные для парторганизации. Коммунисты оставшись без руководства, почти никакой работы не проводили. Часть из них пошла на регистрацию в полицию, а часть была арестована...

Парторганизация Ворошиловского района г. Одессы

Секретарь райкома партии КЛОЧЕК... никакой партийной работы не проводил... В октябре 1942 г. оставил организацию на произвол судьбы, а сам со своей связной Шмидт уехал из Одессы в Савранский район и там жил в колхозе до освобождения...» (Партийный Архив Одесского Обкома компартии, фонд 91, опись 1, дело 6).

В неразберихе послефронтной, в гебешном пылу разоблачительства поди разбери теперь, где тут правда, где напраслина... Одно ясно: подполье советскими властями создавалось загодя бездарно, суматошно, к примеру: оставленные партизанить евреи уже из-за внешности своей зачастую были обречены.

В том же архивном фонде 92, опись 1 хранится «Справка о Сойфере Роберте Михайловиче», подписанная **Б. Сорочинским**, который сидел с Сойфером в румынской тюрьме:

«С Сойфером Р. М. я встретился в 1943 г. во время пребывания под следствием...

Сойфер Р.М., еврей... До войны работал в Одесском университете заместителем декана историко-филологического факультета.

После начала войны областная партийная организация дала ему поручение создать в районах области материальную базу для партизанского движения... не то склады продовольствия, не то склады оружия.

Когда он это поручение выполнил и явился в первых числах октября 1941 года в Обком партии, он спросил, где и как он должен устроиться на время оккупации в Одессе, поскольку он должен был остаться для подпольной работы в городе. Он рассчитывал, что пока он готовил работу на одном участке, кто-то другой подготовил для него соответствующие условия для работы. Но... ему предложили устраиваться самостоятельно.

Всё его имущество... заключалось в демисезонном пальто и поломанном браунинге без патронов. Квартиры у него не было.

Когда румынские войска вступили в город, он выбросил оружие в уборную и стал искать убежища. Случайно он знал адрес работницы буфета в Обкоме партии... и устроился у неё. Выходить на улицу он опасался, так как по внешнему виду легко можно было определить его национальность. Но какую-то работу он делал, об этом я могу судить по тому, что при аресте у него было найдено оружие (кажется, наган), кроме того он имел связи с другими участниками борьбы...

Арестовали и его, и его квартирохозяйку... Ему при допросе сломали левую руку... Его приговорили к расстрелу.

В тюрьме его здоровье значительно ухудшилось (у него, кажется, был туберкулёз). После приговора его поместили в одиночке, где он лежал на койке, не вставая...

Так как Сойфер Р.М. не мог ходить, он был очень слаб, солдаты понесли его на сетке кровати на кладбище, где и расстреляли.

Он вёл себя стойко и мужественно, как подобает коммунисту».

....

Цитированная выше «Справка о состоянии проверки и изучения работы подпольных организаций...» от 1944 года отметила, что после скорого исчезновения первых подпольщиков мало-мальски действенное сопротивление начало возникать лишь в 1943 г., и то, как правило, ограничивалось пропагандистской работой, а некоторые объявившиеся после освобождения группы – *«это лжепартизаны и лжеподпольщики, [которые] хотят свою бездеятельность в тылу врага и активное служение им прикрыть "подпольной деятельностью"»*. Никаких серьезных деяний подпольщиков и партизан до приближения освободительных войск в 1944 г. «Справка» не отметила, что соответствовало послевоенным воспоминаниям жителей оккупированного города: тихо было, чего, спрашивается, с румынами воевать, если живётся лучше прежнего; о партизанах, правда, разок-другой кто-то слышал, когда вдруг на церкви красный флаг появился. Об этом в «Справке»: *«Винницкая Мария Филипповна, комсомолка, студентка Пединститута, в начале 1942 г. организовала подпольную группу из молодёжи в количестве 11 человек... Распространяли листовки... вывешивали лозунги... В исторические дни 7 ноября и 5 декабря 1943 года Винницкая вывешивала Красное знамя на самой большой высоте города – на Успенской церкви...»*

Одесса – один из пяти советских городов, за оборону от наступающих немцев удостоенных официального звания «город-герой». Послевоенные одесские власти не могли не уязвиться: на фронте, выходит, воевали одесситы геройски, а при оккупации что? пригнулись овцами, без ропота? Коммунисты – всему голова, получается: они не доглядели. Или ещё хуже: румыны горожанам показались слаще большевиков? Такого не может быть, потому что не может быть.

И в 1970-м появляется книга «Одесская область в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. Документы и материалы». Четверть века прошла, авторы обогатились сведениями, а с другой стороны отдалённость событий позволила раскручивать историю раскованней, удобно для партийно-пузатых князей из обкома, ищущих для Одессы партизанской славы. В книге коммунисты Одесской области организуют больше четырёх тысяч партизан и подпольщиков, они распространяют листовки, в боях убивают оккупантов сотнями, портят станки на производстве, сыплют песок в буксы железнодорожных вагонов, засылают на фронт немцам тухлую рыбу... «Почти всё население Одесщины оказывало сопротивление оккупантам» – сказано на 344-й странице; не стыдно людям в глаза поглядеть. И Петровский здесь вот какой: «Первый секретарь обкома А.П. Петровский, обманув румынских контрразведчиков и выйдя 25 октября 1941 года на свободу, стал устанавливать связи с другими подпольными райкомами партии...» (стр. 212); при аресте 21 апреля 1943 года отбивался на лестничной площадке от жандармов, пока не был ранен в руку и ногу, но и тогда пытался не даться живым, «бритвой вскрыл он на обеих руках вены и полоснул себя по горлу. Жандармы взяли его в бессознательном состоянии и отвезли в госпиталь... До июля 1943 года, более трёх месяцев отказывался давать показания первый секретарь обкома А.П. Петровский. Это спасло жизнь многим подпольщикам» (стр. 216-7).

О Петровском здесь правда, её подтверждают румынские документы. Но последующее расширение героического сюжета – «подпольный обком партии осуществлял подбор кадров, направлял деятельность подпольных организаций на вооружённую борьбу и осуществлял антифашистскую пропаганду» (стр. 218) – звучит много патетичнее истины. На странице 224 в докладе румынских расследователей дела о подпольном Одесском обкоме за ним числятся лишь пропаганда и саботажные действия, в том числе один успешный поджог

заводского цеха. Книге особенно не доверишься: составители её даже широко известный взрыв комендатуры на Маразлиевской датируют 23-м октября вместо 22-го и число погибших там возросло у них с 60 до 300 (стр. 384).

Так и творилась история одесского Сопротивления. Сойфер в книге упомянут мельком – и на том спасибо, еврейские фамилии советским историкам произносить не приличествовало. Да и откуда их взять, если согласно странице 345 той же книги из 677 партизан города Одессы евреями были только 23. Может, верно? Ведь с января 1942-го Одессу от евреев очистили под корень.

Но кто-то ведь и притаился, перелицевался: *«Военно-полевой суд, рассмотрев дело Меерзон Ривы Моисеевны, обвинявшейся в том, что она, проживая под чужим именем... вела шпионскую работу по партийным заданиям, приговорил её к расстрелу»* (**Сообщение оккупационных властей**, Одесский архивный сборник «Одеса у Великій Вітчизняній війні», том 2, вёрстка).

И в «Одесской газете» от 10 сентября 1942 г. рядом с объявлением портнихи «Принимаю заказы на дамские наряды по французским журналам за 1943 год», рекламой оперетты «Цыгане» и дивертисмента «Человек-невидимка» в Мюзикхолле: *«Одесская жандармерия, ведшая преследование террористов, скрывавшихся в одесских катакомбах, арестовала группу политических преступников этой категории в числе 25 человек.*

Вчера закончилось слушанием их дело...

Суд... приговорил: Екатерину Васину, Василия Иванова, Фриду Хайт, Женю Фурман, Ивана Гринченко, Давида Красноштейна, Элика Зосовского, Дмитрия Варигу, Ивана Петренко, Харитона Лейбас, Шаю Фельдман, Ивана Неизвестного и Дионисия Семберг к смертной казни... Леонида Иванова к 25 годам каторжных работ... Марию Иванову и Евдокию Иванову – к 20 годам... Абрама Бухгалтера, Антона Бобровского – к 5 годам каторжных

работ каждого [здесь некоторые имена искажены то ли газетой, то ли жертвами на допросах]».

В списке казнённых поражает пропорция евреев, тем более, в обезвреенном городе. А это – люди из знаменитого отряда В.А. Молодцова-Бадаева, который после войны будет посмертно награждён званием Героя Советского Союза. В отряде было 73 человека, они воевали в городе и в катакомбах с первого дня оккупации. Весной и летом 1942 г. румыны выловили 43 бадаевца с помощью предателя, двое погибли в боях, кто-то ушёл в окрестные леса, кто-то больной после катакомб затаился в городе. Согласно той же книге про одесское подполье бойцы Бадаева *«уничтожили свыше 300 солдат и офицеров противника, пустили под откос 2 воинских эшелона, подорвали полотно железной дороги и собрали важные сведения»* (стр. 229). Верить? Кто и как считал?..

.....

...Шимек видел Жукова. На площади Октябрьской революции, бывшем Куликовом поле.

Здесь проходили праздничные демонстрации, и одесситы восторженно лицезрели на трибуне между неразличимых областных князьков квадрат грузного, от оплывающего подбородка до широченного ярко-жёлтого пояса осяянного наградами человечка с маршальской звездой под широким неулыбчивым лицом – Великого полководца, выигравшего Великую войну и тут же низринутого в унижительное командование малозначащим местным военным округом – угадывался традиционный путь сталинских соратников в позорное небытие через опалу, а то и убийство.

Одесситам льстило видение Маршала на городской трибуне, их радостно ослепляли драгоценности и ленты необозримых его отличий, металло-бриллиантовые сооружения двух орденов Победы, диковинные заморские

кресты; предписанные начальством «Да здравствует...» демонстранты кричали персонально ему, сокрушителю фашистского чудовища – колонны яростно ликовали, а он отрешённо подносил руку к фуражке, колол толпу бесцветными жёсткими глазами, над Золотыми звёздами Героя Советского Союза сталь взгляда, безжалостного и мрачного.

Маячило ему памятное: неисчислимы военачальнические судьбы, порубанные Сталиным. Григорий Штерн, командир Жукова на Халхин-голе в тридцать девятом, один из первых Героев, его смертно мордовали на допросах и расстреляли – награда за победу над японцами... А другие жуковские начальники, потом его же и подчинённые? Рокоссовский, интеллигентная жопа, но вояка же, мать его, какого не сыскать – а сколько баланды тюремной выхлебал!.. Мерецков, начгенштаба бывший, ему сосунок-следователь на лысину ссал... Спасибо в расход не отправили, отпустили обоих повоевать, теперь маршалы, тоже Герои...

Херня какая – Герои! У него этих Звёзд три, да Победы две, да иностранный иконостас – полное пузо, а пытке не помеха. «За прошлое спасибо, а за нынешнее ответь» – поговорочка следовательская.

К здешнему месту ближе мог Жуков припомнить одессита Гамарника, в гражданскую войну председателя одесского большевистского губкома, потом взлетевшего в начальники Политуправления Красной Армии и в 1937-ом застрелившегося в преддверии сталинских пыточных камер.

А вернее всего оглянуться бы Маршалу на Троцкого. В своё время, как и он, Жуков, первейший солдат страны. И тоже с Одессой повязан, даже и с этим именно местом, полем Куликовым, где в двадцатые годы уже вождём русской революции, выступал на параде на Куликовом поле перед войсками... В Одессе Троцкий триумфаторствовал, отсюда отплыл в небытие...

.....

35. ОДЕССА-2002

...И вышел я в чистое бабьелетнее одесское утро, в заждавшиеся объятия родни, прореженной за годы разлуки сквозняками эмиграции и, страшной того, смертями – воспоминания мяли сердце, корёжа душу и одновременно множа радость встречи. И в машине, утомлённой долгим опытом лет и дорог, покатали мы в Одессу двадцать первого столетия, 60 лет после моего детства и после войны.

Тот город полувековой давности растаял, как имперский Рим, Китеж-градом ушёл в легенды, в книги, ТВ и Интернетом затоптанные: как ни трудились Жаботинский, Паустовский, Бабель с Ильфом, Куприн с Катаевым – пропала экзотическая Одесса, затерялась в чужбинах. Только вспыхивают там-сям искры прежнего безудержного одесского острословия: в израильском Ашдоде услышится: «Как ему хорошо – так ему и надо»; на Брайтон-Бич торговка книгами (из морщин неистовый глаз, безудержный грим бровей и губ, шляпка с цветочком, охваченная пузырьём плёнки от осенней сырости) говорит покупателю: «Шо вы так перебираете товар? Книга не рыба, не портится...»; в особо евреелюбивой Германии вздохнёт старик с Канатной, бывшей Свердлова улицы: «Здесь таки да кушают вкусно, но культура?! Три тысячи километров от Одессы, откуда в этой глуши культура?!»

Рассеялась по миру Одессщина. Но и метрополия черноморская ещё теплит душу живу. Город против ожидания чист, запахами разит не наповал, оштукатуренные фасады дышат искусством лучших лет Европы, улицы – зелёные туннели, когда-то одна Пушкинская этим восхищала, а сегодня новые улицы, вдвое шире, зеленеют пышнее её. Сверкают витрины универсама и супермаркета, шевелится торговлишка в малых магазинчиках, нередко продавцы стараются быть

приветливы. Прохожие не менее прежнего говорливы и веселы, женщины легки и улыбчивы.

А главное – дух. Потускнел, но не угас, оказывается. Можно и не ходить по знакомым, не проникать в подъезды, запертые для защиты от грабежей и грязи, можно не глазеть на окружающих, в кафе уличном по-парижски сидя, можно и не вступать в беседы со словоохотливыми горожанами – Одесса объявит себя уже выплеснутыми на ежедневную потребу текстами объявлений и вывесок. Казино «Габриэла», «Ройял Флеш», «Клондайк», клуб «Мираж», ювелирное заведение «Золотая Одесса», магазины и кафе «Жан-Франко», «Кесарь» (мужская одежда), «Герр Канцлер» это канцелярские товары, «Наполеон», «Эльдорадо»... *«Пригородный шик»* – определял Бабель. Лавочка косметики называется «Елисейские Поля». Иноземная лепота, ароматы Европы. Тут же и «Мак-Дональдс» – как нам без чипсов, без гамбургеро-модерна?.. «Шарм» – «Салон красоты» (украинской «красы», а не русской «красоты» – москалям чертячим в пику).

...Знаю, помню и в других местах рекламные роскошества. В Новосибирске плакат с огромной сосиской и прильнувшим к ней котёнком подписан: «Счастья слишком много не бывает». Московская эстрадная банда «Крематорий» замечательно веселит зрителя, особенно еврейского. В Израиле продают пылесос «Вампир». В Киеве магазин диетических продуктов называется «Диабет», а детей пользуют в медицинском центре «Медея» по имени мифологической детоубийцы.

Но Одесса – «это что-то особенного». «Интимтовары XXI века» – пишется на одесской вывеске. «Красиво снаружи, вкусно внутри» – игриво зовёт ресторан, с некоторым сексуальным намёком. Подают в ресторане шампанское «Одесситка»; на этикетке, подбоченьсь, красotka – не устоять, и объяснено стихом наповал: *«Немножко кокетка, немножко пуглива, Немножко безбрачна, немножко жена. В груди у ней*

сердце, во взгляде огниво, Но любит и взглядом и сердцем она».

А на улицах: «Выбери себе подарок от Риволи», «Камни-обериги» (наверно, оберёги – будьте нам здоровы!), «Аромомасла»... Фирма «Тепло-комфорт» строит «русские бани, римские парные, финские сауны» – гуляй, Вася! Туристское агентство «Марко Поло Турс» – не киевский вяло звучащий «Магеллан» и уж, конечно, не Афанасий, понимаешь, Никитин!

На рынке, на Привозе, прославленном описаниями и преданиями, теперь пошло стандартизованном торговыми залами и лавками, тем не менее живёт и прежняя торговля с земли, из мешка, с безменом, а на прилавке рядом с рычажными весами завлекает табличка «Точный вес» и лучезарная торговка уверяет: «Масло, ну клянусь! самое вкусное...». Рядом продавщица сметаны из бидона для пробы капает на руку покупательницы, виртуозно зачерпнув откуда-то с потайной площадки свежестью благоухающий продукт; в бидоне же позавчерашний, а то и давнее. «Не обманешь – не продашь». «Водку, – предупреждают меня, – бери только в фирменных магазинах, меньше шансов, что подделка».

Подделок пруд пруди. Электроника, зажигалки, духи с французскими этикетками. В мировом царстве фальши Одесса давно не столица, но традиции цветут. На Дерибасовской выставлены на тротуар меню: «Свиная отбивная «Алый парус»... гренки прованские... американский кофе...» – сварен, что ли, по-амери-кански? или контрабанда, которая с Малой Арнаутской улицы?

Дерибасовская улица, песенная, фольклорная, легенда и символ. Широкий проспект детства моего, он ужат сегодня киосками и кафешками в прогулочно-базарную улочку, скучную без транспорта, провинциальную, безликую, если не заметить роскошных фасадов. Дерибасовская не утомляет многолюдием. Приезжих теперь мало, а местным что за интерес толкотня? Гуляют по поговорке: «постепенно»...

«Белой акации гроздь душистые» – полощется вальс между стекляшками витрин. Аккордеонист на стульчике посреди тротуара, лысоват и волосат, борода митрополичья по ветру, в голубых глазах еврейский огонь вдохновения, пальцы выколдовывают из инструмента волну послевоенных мелодий: «...старинный вальс «Осенний сон» играет гармонист...», «В городском саду играет духовой оркестр...»

Как же ему играть, оркестру, в одесском Городском саду? Здесь, где прежде гремели концерты, где толклись гуляющие, где ещё в царские годы собирались знакомцы для приятного словоговорения и клубилась многолюдная компания гомосексуалистов – сегодня здесь базар. Лотки с поделками, между безделушек-побрякушек обнаруживается изящное рукоделие, вышивка, картинки, фигурки, аппликации, на их чёрном бархате распускаются цветы, искусно собранные из ракушек заокеанских, отсвечивающих нездешне – нежно, сказочно... Над одним из лотков плакатик: «Ручками не хватать. С любовью. Администрация». Администрация – одинокий продавец, тоскующий: ручками хватать некому, покупателей в саду меньше, чем торговцев.

Пусто и возле памятного камня, где сообщено, что сад в 1806 году подарен городу братом основателя Одессы Иосифа Дерибаса Феликсом и «реконструирован в 2002 году на средства граждан Одессы под патронатом одесского городского головы имярек». «Я памятник себе воздвиг...» Щедринский город Глупов, градоначальники. Против нынешних прежним слабó. Князь Воронцов, к примеру, сколько Одессой ни правил, сколько ни строил, до «патроната» и самоувековечивания на камне не додумался. Может быть, посчитал, что достаточно дворца.

Дворец Воронцова на Приморском бульваре в моём детстве был Дворцом Пионеров, я скользил по его паркетным полам, когда бегал в фотокружок, млел, высматривая в кювете чудо проявления фотоснимка, и раздувался от гордости, что

наш наставник, тоскливый еврей, оплешивевший в оккупацию, отправил две мои работы на городской конкурс.

Сегодня губернаторский дворец, облупленный, в грязных подтёках по осыпающейся штукатурке – старчески жалкое эхо былого парада. Где ослепительные балы, интриги, страсти дуэльные?.. Александр Сергеич с молниями эпитаграмм, дивная Елизавета Ксаверьевна, Михаил Семёнович – военный герой, государственный муж, супруг, по сплетням, посрамлённый... Рухнуло всё, в историю ухнуло, как не было.

Отец М. С. Воронцова служил русским послом в Англии; там и пестовали маленького графа. С 21-летнего возраста он воевал на Кавказе, и с Турцией, и с Наполеоном; тяжело раненный при Бородине, едва поправясь, вернулся в строй, выстоял с подчинённым войском сражение против самого Наполеона, участвовал в битве под Лейпцигом и захвате Парижа; в 1814-18 гг. командовал оккупационным корпусом во Франции. Имя Воронцова звенело не одной только воинской славой: он первый в российской армии отменил телесные наказания; он, удалясь после Бородина лечиться в своё поместье, забрал туда ещё 350 раненых, которых выхаживали за его счёт; он в Париже при задержке казённого жалования войскам платил им из собственных средств.

И в Одессе Воронцов выказал себя замечательно: благоустроивал порт и город, строил дома и мостил улицы, поощрял торговлю вплоть до личного участия в сделках, заботился о просвещении горожан.

(Глупость и неправда памяти: заслуг Воронцова всего-то хватило на портрет: *«Полу-милорд, полу-купец, Полу-мудрец, полу-невежда, Полу-подлец, но есть надежда, Что будет полным наконец»* – вычеканил гениально и лживо поэт, великий и злобствующий от ревности, бедности и молодой гордыни.

Остался Воронцов в народном сознании пушкинским полуничтожеством, не помогли и последующие подвиги на

Кавказе, когда он, не оставляя одесских обязанностей, взял на себя ещё и обузу управления в краю изнурительной завоевательной войны. Под командованием Воронцова русская армия переломила сопротивление неукротимого вождя горцев Шамиля. После кавказской кампании Воронцова увенчали высшие титулы России: Одессой повелевал уже не граф, но светлейший князь Михаил Семёнович Воронцов, генерал-фельдмаршал... А в школе: «Полу-милорд... полу-подлец...» Теперь в украинских школах отменяют уроки русской литературы. Глядишь, и Пушкина заменят Шевченко с Лесей Украинкой. Уйдёт и беспардонный стишок о «полу-милорде». Что тогда сохранится в памяти одесситов? «Бар-галерея “Воронцов”», открытая сегодня на Дерибасовской? Посетителю питейно-художественного заведения вообразится здесь имя владельца, нынешнего или давнишнего, какой-нибудь «ресторатор Воронцов». *Sic transit gloria mundi* – Так проходит земная слава.)

На одной из окружающих дворец колонн отпугивающий плакатик: «Здание дворца в аварийном состоянии. Под колоннами не ходить. Угроза обвала». А рядом объявление «Курсы английского языка» – для бесстрашных, кто подойдёт.

Здание ждёт ремонта, нужны миллионы гривен, но будоражатся слухи, что деньги найдут, поскольку власти намерены потом обратить дворец в резиденцию высокого начальства, которому красиво жить не запретишь.

Красоты ради здесь вот и колоннада, её рядом со дворцом, высоко над портом и морем, соорудил архитектор – губернатору и гостям его любоваться водной далью и окрестностью. А я люблю надписями: «Коля», «Тут были Настя и Маша», «Привет из Балты» – привычная графика туристских объектов. Но и кроме того, капитальнее: ближе к верху на каждой колонне по одной огромной букве «Ч-ё-р-н-о-е м-о-р-е» и «О-д-е-с-с-а» – словно заголовки к пейзажу внизу. А под ними, доступнее руке и глазу, упражнения остроумцев: «Пацаны, я вас люблю. Тата»; «Тамара лучше всех»; сердце с

приписанным «sex» или, доходчивей, «трах-трах»; «Мурка, Светка, Женечка, Сима – всех вас хочу!» – не перевелись гусары.

Внизу и вдали порт. Он расстелил череду причалов, растыкал игрушечные стрелы кранов, по морской глади расставил, ужав до статуэток, громады судов. Безветрие, одинокое покойное облако... Лениво шевелится погрузка у одного причала, буксир ползёт по гавани, как отравленный таракан, за волнорезом танкер истаивает в просторе. Бескрайнее море перетекает в безмерное небо, где – неразлично.

Так видится, если идти от Воронцовского дворца бульваром при царях Николаевским, без царей – Фельдмана, а в ходе обезвреивания города (румыны убийством, советская власть бескровно) переназванного Приморским – многоимённым этим бульваром если идти, то слева из-под кручи будет дышать панорама мирного моря, а справа и рядом выстроится дома-дворцы, ласково прозвучит фасад «Лондонской» гостиницы, прошелестят деревья, бронзовый кумир Одессы Дюк при взгляде сбоку ошарашит: свиток в руке герцога глядится членом в эрекции. Эротика неожиданна, как название напитка в киоске рядом: «Бренди-кола».

Здесь, на известнейшем месте, над Потёмкинской лестницей и портом, у ног Дюка стекленеет кубик кафетерия, выставив перед входом меню «Отбивная по-лимански... Шашлык по-черноморски...» и два не слишком внятных сообщения: первое – «И ваше плохое настроение не испортит нашего угощения», словно хозяева ждут только злобного гостя, и второе: «А мы всё равно вам будем рады» – привет ли клиенту, угроза ли?..

Шуршит, падая, листва, под деревьями щебечет и жуёт празднующая юность, на скамейках бабелевские старики, те, из его воспоминаний о Багрицком: *«Мы видели себя стариками, лукавыми, жирными стариками, греющимися*

на одесском солнце, у моря – на бульваре, и провожающими женщин долгим взглядом...»

Посреди аллеи безногий нищий катит. Его тело оборвано на бёдрах, под ними площадка с колёсиками, он отталкивается от земли деревянными костыльками-опорами, едет, улыбочивый и трезвый, чисто одетый, не просит: кто хочет, сам подаст в ёмкость, притороченную к тележке, – он светел, приветлив, здоровается со знакомыми, а мне, чужому и любопытствующему, весело подмигивает. Может быть, не так уж и трезв, как показалось.

Он выкатился из шестидесятилетней давности одним из множества пропитых инвалидов на подобных дощатых платформах, тархтевших колёсиками-подшипниками. Инвалиды стучали такими же костыльками, протягивали дочерна грязные руки: «Подай, браток!», хватали прохожих за штаны и юбки, а то вдруг, свирепо пуча красный глаз, дёргая щетиной щёк, орали: «Я кровь на фронте проливал! За вас, суки!! Контуженный!!!» – кривились губы в пене, тряслась челюсть, брызги летели...

Потом эти обрубки войны исчезли, заботливые власти свезли их с глаз долой в дальние резервации. Но вот он, реликт! Теперешняя волна вольности – ликуйте, гуманисты! – выплеснула его даже к самому сердцу города, стыку бульвара и Городской Думы, под благосклонный взгляд кумира одесситов – Пушкина.

Под кудрями певца любви фотографируются свадебные сообщества. Взволнованные до пунцовости невесты, замороженные, заторможенные женихи, чёрно-кожаные дружки и подружки – со вкусом позируют и возле памятника поэту, и на классическом фоне Думского здания, и ещё поблизости у трофейной пушки Крымской войны (по народному поверью, стреляющей в случае девственности невесты, но за сто пятьдесят лет ни разу не случилось), и не насытятся, перебираются на площадь рядом, перед Археологическим музеем в начале Пушкинской улицы.

Я покидаю вместе с ними бульвар Фельдмана, припоминая, что анархист Саша Фельдман, секретарь одесского революционного комитета, единственный в нём не побоялся пойти комиссаром в примкнувший к большевикам полк одесских уголовников, те воевали из рук вон плохо, половина дезертировала, командир самовольничал, Фельдман требовал дисциплины и в октябре 1919 года в оккупированной интервентами Одессе был убит выстрелом в спину то ли ими, то ли уголовниками, то ли на Базарной улице, то ли на Большой Арнаутской.

На Большую Арнаутскую я ещё обернусь, а пока, прощаясь с Фельдманом, замечу, что командиром его бандитского полка был Михаил Винницкий, Бенья Крик, Король налётчиков Бабеля: *«Аристократы Молдаванки, они были затянуты в малиновые жилеты, их плечи охватывали рыжие пиджаки, а на мясистых ногах лопалась кожа цвета небесной лазури»*. Таковы они в «Одесских рассказах», празднующие свадьбу или торжественно, с букетом *«в стальной протянутой руке»* едущие в пролётках к проституткам.

Сегодняшние их подобию, сменив жилеты и пиджаки на кожаные куртки и лак экипажей на лак «мерседесов», похожим свадебным поездом подкатывают красиво запечатлеться. Площадь перед Археологическим музеем безупречно эллинизирована: напротив греческих колонн музея белеет перенесенный сюда с Преображенской улицы Лаокоон – Гомер, Парфенон, эвпатриды, демос, Сафо, чего только не вспомнится! – но брачующимся Эллада до лампочки, они отворачиваются к ротонде напротив, за которой царит здание Оперы, и в ротонде, на фоне оперного великолепия, дивно стан изгиба, фотографируется невеста рядом с женихом, их обрамляют дружки, крутые братки с благоухающими дамами, и кто-то, кому места на фото не досталось, лениво щурится от солнца и невестиной белоснежности и говорит о себе и обо всех с горделивой усмешечкой: «Рецидивисты Одессы».

Ну, в натуре, типа, не одни же конкретные эти пацаны в коже, я, блин, тоже рецидивист Одессы. Давно канули в прошлое несколько лет моего одесского детства, и город заволкло дымом других отечеств, а вот разворошилось, встрепенулось, душу кольнуло. Уж и людей близких почти никого не осталось, и камни вроде бы остыли, и лица вокруг новые, молодые, чужие, интересы скучные, слова бессвязные – а город люб.

.....

42. ПОКЛОН

Книга эта родилась, как было сказано в начале её, от совпадения желаний автора и его корреспондентки, искавшей почести своим спасителям. Годы заполошной, наперекор житейским заботам и расслабляющему ходу времени, работы привели к знакомству со многими подвижниками, выручавшими евреев в смертельную для них пору. Тема расширилась, повествование растеклось от необходимости взглянуть в лик Одессы и лица одесситов. Книжка стала пухлой и, боюсь, сумбурной, но как вышло, так вышло. А целью её остаётся первоначальное: помянуть благодарно всех, спасавших или помогших спасению, чьи имена всплыли при моём копании в свидетельствах той поры.

Из группы Гродского одной Александре Николаевне Подлегаевой какое-то «спасибо» хоть слабенько, но просветило при жизни. ...учреждениям да инстанциям еврейским, кто обязан спасителям евреев поклониться, – им за повседневными заботами часто не до тех, кто истлел. Так вышло, что среди Праведников Народов Мира числит Израиль из группы Гродского лишь Александру Подлегаеву: о ней спасённая Е. Хозе успела сообщить при её жизни, да и то признание опоздало: пока судили-рядили, умерла старая

Праведница. И Шевалёв Андрей Евгеньевич не узнал, что его отец и он сам награждены. Обидно...

Андрей Шевалёв убегал от славословия, Ивановы и Татаровский признания не добивались, доктор Гродский о себе-спасителе не упоминал, потомки А. Подлегаевой подробности её геройства только от меня и узнали – Праведники поклона не ищут. Он – за нами.

Анастасия Фёдоровна Теряева, Константин Михайлович Гродский – вам, как и другим, обойдённому официальным признанием, кому ни дерева именного, ни медали, ни льготы мало-мальской – вам только эта вот книжка негромкая, памятник самодельный, грубо сколоченный,

каждому, чьё имя мы не удосужились расслышать в глухоте прошедших десятилетий,

и каждому, кто на этих страницах назван...

Я стою у одесской аллеи Праведников, прощаюсь. Вечер. Ночь. Ветер. Запах моря, шорохи берёз... Луна... Тени Праведников, тени убитых. Тьма. Чёрная тьма Шоа.

«Тихо спит Одесса... Прозрачно-лёгкая завеса Объемлет небо. Всё молчит; Лишь море Чёрное шумит...» (А. Пушкин)

...море чёрное шумит...

43. ПОСТСКРИПТУМ

В Одессе 2002 года надо мной Дерибасовская раскачивала поперёк себя транспарант с пламенным призывом «Душу согрей, Одесса-мама!». Кино ли такое, спектакль, выставка – не выяснялось. Может быть, просто просьба? Или мечта?..

